

- В этом году исполнилось 12 лет со дня моего возвращения в Россию, - рассказывает Алла Николаевна. - А спустя два года, в феврале 1991-го, мне сообщили, что можно прийти за ордером. Я обрадовалась неописуемо... Ведь я очень долго жила у своих новых друзей - то там, то здесь. И все покупала впрок, для новой квартиры. Пришла в дом на Арбате, открыла дверь своей нынешней квартиры и сразу поняла: мое! В маленькой комнате поцеловала стены.

Помню, как привезли на кухню стол и уголок. Потом с друзьями помчались в «Прагу» и купили всякой всячины. Началось угощение, и кто-то за столом сказал: «Алла, мы желаем тебе, чтобы этот стол был всегда такой полный, как сейчас! И чтобы было весело!» Так и продолжается до сих пор.

- **«Чужой язык, чужие города... Так много лет прошло не с Вами вместе. Откуда же в далеком Бухаресте зажглась такая русская звезда?»**

- Всю жизнь я стремилась на Родину, как завещал отец. Потому что только в России могу найти слушателей, которые меня понимают. Вы не задумывались, что такое романс? Наша жизнь - любовь, разлука, терзания... Тоска о счастье, которое должно быть завоевано, умение не сдаваться времени. Целая повесть на несколько минут! Я счастлива, что заставляю озариться душу, вспыхнуть сердце.

В 1941 году меня арестовало «румынское НКВД» - си-гуранца, и я очутилась в концлагере за исполнение русских песен. Сидела год и два месяца... Мои романсы слушал румынский диктатор Чаушеску, и после его «отзыва» получила «волчий билет» - меня перестали приглашать на бухарестские радио и телевидение. Мне передали слова Чаушеску: «Романсы-то хорошие, но от них за версту пахнет Россией». Что ж, я этого никогда не скрывала.

Мой дебют, представьте себе, состоялся в 9 лет - я спела в парижском баре «Казбек» песню «Вечерний звон», которая так и осталась для меня священной.

- В книге «Судьба и магия Аллы Баяновой», цитаты из которой мне очень понравились, есть милый эпизод. Когда вам исполнилось 13 лет, Александр Николаевич Вертинский подарил куст пунцовых роз - вы насчитали 21 цветок. И сказал: «До этого возраста ты сведешь с ума сотни мужчин!» Исполнили ли прогноз Вертинского?

- Я особенно не прикладывала к этому сил, но, думаю, 99 точно свела, а потом сбилась со счета.

Алла Николаевна начинает смеяться. Делится со мной тем, что промелькнуло в памяти.

Однажды в Бухаресте в 1945 году она шла по улице с двумя своими догами. Навстречу - два советских солдата. Увидели красавицу и остановились. А она испугалась - кто знает, что у них на уме? Но, проходя мимо, смело посмотрела им в глаза. А они вдруг попятнулись, уступая импозантной даме дорогу. Вдруг она слышит: «Васька! Гляди,

какая женщина! Обалдеть...» Васька в ответ: «Ну баба, посмотрела - рублем подарила!» Тогда она сразу успокоилась и сказала, улыбаясь: «Хороша Маша, да не ваша!» И гордо прошла мимо. Они стояли, как в столбняке, и смотрели вслед. Ответила-то им блистательная Алла на чистейшем русском языке!

- Незабываемая встреча произошла в начале тридцатых годов, - рассказывает Баянова. - Я пела в парижском баре «Казанова». После выступления ко мне подошел высокий стройный человек с белым цветком в петлице. Наклонился и спросил: «Кто ты?» Я удивилась и тоже спросила: «А вы кто?» - «Я - Вертинский». - «Как тебя зовут?» - «Алла». - «Какое странное имя. Знаешь, ты кто? Ты - славянка с персидскими глазами». Потом Александр Николаевич пригласил меня с мамой к себе - в ресторан «Большой Московский Эрмитаж». Он сказал: «Будешь работать со мной. А сейчас я познакомлю тебя с моей дочкой». Мы пришли и увидели сидящего на стуле роскошного белого французского бульдога. Это была Люся, которую Вертинский обожал. И когда я нашла на улице маленькую собачку, то назвала ее в честь «дочки» певица.

- В уже упомянутой книге приводятся такие слова: «У меня, как всегда, было очень уютно в квартире... Вся жизнь меня сопровождает фраза: «Ах! Как у вас уютно! Как хорошо, не хочется уходить!» Это было и в Париже, и в Бухаресте, и в Москве...

- Как видите, у меня две небольшие комнаты, кухня. Зато какой прекрасный район - Арбат! О нем мечтала, о нем читала. Та самая улица, на которой жил Пушкин, по нему ходили другие гении. Мне хорошо тут, благостно - каждый день гости: беседуем, пьем чай...

В Москве я начала все сначала, как говорится, деревянной ложкой. Оставила в Бухаресте все... Другая бы испугалась - на склоне лет все рвать! Но я решилась: приехала в Россию с одним чемоданом и фотографиями. Вот - отец, оперный певец Николай Баянов. А это мама - балерина Евгения Баянова. Они жить не могли друг без друга и умерли в одном году.

После возвращения приехала в Одессу и побежала смотреть театр, где когда-то выступал отец. Страшно волновалась, входя в гримерную: может быть, именно здесь он готовился к спектаклям? В тот вечер я пела с особенным подъемом и удовольствием.

Наступает тишина. Может быть, снова какие-то картинки из жизни пробегают перед глазами певицы. Судьба забрасывала семью Баяновых в Белград, Афины, Бейрут, жили они даже в Палестине. А потому и приходилось Баяновой-младшей петь на разных языках - французском, немецком, итальянском, греческом. Дружила с семьей замечательного певца Петра Лещенко и даже работала с ним в одном ресторане. Потом надолго осела в Бухаресте, тут встретила первую любовь - талантливого композитора Жоржа Ипси-

«Новый наряд серебром, словно шелком, расшит. Старое танго расплавленным золотом льется...»

В зале ваш голос тоскует, смеется, грустит, в плен забирая, узорчатым кружевом вьется...»

Это строки из стихотворения, посвященного Алле БАЯНОВОЙ. Кто она - «славянка с персидскими глазами»? Кудесница? Колдунья? Почему, когда певица появляется на сцене, зал начинает рукоплескать? Отчего блещут слезы в глазах людей?

ланти. Он стал ее мужем. Свидетелями на свадьбе были Петь Лещенко и его жена Зина...

- Ваша жизнь - сюжет для большой повести или романа. Было все - счастье, горе, любовь, множество интереснейших событий. В автобиографической книге «Гори, гори, моя звезда...» вы рассказали и о том, как на время превратились в хозяйку огромного имения.

- Да, тогда я «вырвала ку-сочек счастья». Мой второй муж, Стефан Шендра, был очень богатым человеком. У него было роскошное имение с прекрасным парком в трехстах километрах от Бухареста. Большой красивый дом - я так и вижу его спустя много десятилетий - он весь залит солнцем, свежий ветер гуляет по хоромам, цветущая сирень заглядывает в окна. Было огромное хозяйство: 400 гектаров пахотной земли, 500 - леса! Я стала помещицей. Вставала рано и с прислугой работала по хозяйству. Мы жили дружно, я крестила детей дворовых людей, лечила. Да и они относи-

лись ко мне хорошо. Еще я вспоминаю, как шла по двору, а за мной брели семь собак, ослица Марица, свинья Леха. Животные во все времена были моими друзьями...

- Расскажите, как вы жили в доме с привидениями...

- В середине тридцатых годов мы сняли прелестную квартиру: дом с мезонином в центре Бухареста. Четыре комнаты, ванная - и все по очень низкой цене. Родители удивились, но согласились. Вскоре начались пугающие чудеса. То стук, то шаги, то кто-то топает к выключателю и включает свет. При этом наши собаки, обычно бесстрашные, начинали скулить и уползать прочь. Однажды я с мамой пришла после выступления уже поздно вечером, а отец сидит в палисаднике. Мы, конечно, бросились к нему с вопросами, и он рассказал, что прилег к книжке на кушетку, стал читать. Как всегда, начали раздаваться вздохи, шаги. Вдруг раздвинулся ковер, закрывавший дверь на хозяйскую половину, и оттуда вышла фигура! Она мед-

ленно прошествовала по комнате и «вошла» в противоположную стену. Спустила несколько дней я мыла голову. И неожиданно кто-то с силой меня оттолкнул. А моя подруга Женька утверждала, что поздно ночью видела, как к дому подъехала карета: из нее вышли дама в кринолине и мужчина в средневековом камзоле. Она с ужасом наблюдала, как они открыли калитку и вошли в дом...

- И чем все эта эпопея с привидениями закончилась?

- Терпение наше лопнуло, и мама пошла разговаривать с хозяйками. Те признались, что и предыдущие жильцы жаловались на «это». Потому и за покойной женщины просили очень низкую цену. Разумеется, мы из этого дома уехали. Навероятно? Но, честное слово, факт!

- Давайте вернемся к творчеству. После одного из концертов к вам подошел мальчик: «Моя мама вас очень любит, но у нее больные ноги. Поэтому не может прийти на ваше выступление». И тогда вы после большого, утомительного концерта поехали домой к со-

вершенно чужой женщине и пели для нее одной. Это замечательная иллюстрация к вашим словам о любви к зрителям. Теперь - о любви зрителей к вам...

- В Санкт-Петербурге живет дама, которая приходила на мои концерты больше 500 раз! Представляете, сколько та женщина ездила за мной по стране! Кстати, несколько лет назад я отметила тысячный концерт в России.

Однажды прогуливалась по Старому Арбату и слышу, как поют «мою» песню «Голубочек! Ой ты, летуночек! Эх, научи меня летать...» Пела почти слепая женщина, аккомпанировал, и очень неплохо, немолодой мужчина. Он посмотрел на меня и воскликнул: «Катя, знаешь, кто стоит рядом? Баянова!» И мы с этой Катей так «жахнули» этого «Голубочка», что очень быстро вокруг собралась толпа. Загребели аплодисменты. Я взяла шапку у баяниста и пошла по кругу. Наверное, арбатские музыканты никогда не получали такой большой гонорар...

- Вы были популярны в Советском Союзе, еще когда жили в Бухаресте и приезжали сюда на гастроли. И тоже получали порой самые невиданные гонорары...

- Было и такое, - улыбается Баянова. - Выстраивались целые очереди с букетами цветов. Люди несли даже продукты - гречку, колбасу, сладости, поскольку в Румынии время было тяжелое. Одна старушка подарила цветок и несколько бутербродов: «Аллочка, дорогая, скушай, чтобы ты всегда хорошо пела!»

А вот еще один случай. Тоже забавный. Они шли по Арбату втроем: Баянова, ее костюмерша Римма Павловна и Барс. Артистка зашла в магазин, а к ее спутнице обратилась незнакомая женщина: - «Скажите, это была Баянова?» - «Да, это она». - «Господи, какая красивая у нее собачка!» Между прочим, Барса Алла Николаевна подобрала на улице: был очень болен, почти умирал.

- «Давайте на время отбросим клубок ежедневных проблем. Под эту волшебную «Осень», под нежный узор «Хризантем». Позвольте душе устремиться в те три несравненных часа, когда колдовская певица на сцене вершит чудеса». Пусть это прозвучит как лирическое прощание с надеждой на новые встречи...

- У меня часто спрашивают о секрете творческого долголетия. Но его просто нет! Все дело в том, что я выхожу на сцену в предвкушении новой встречи со зрителями. У меня теплое биополе, и я посылаю его в зал. Зрители возвращают его мне улыбками, слезами и аплодисментами. Надеюсь, что читатели «Тверской, 13» пожелают, чтобы дольше горела моя звезда...

Снова в переполненном зале зашелестит занавес, выплывет на сцену женщина, и разольется над залом голос, от которого задрожит сердце: «За такое, наверное, пенье, за такие глаза точь-в-точь преклоняли князья колени, промотав состояние в ночь...»

Валерий БУРТ